

ИСТОРИЯ О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ МОСКОВСКОМ

(ИСТОРИЯ О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ МОСКОВСКОМ, КОТОРУЮ СЛЫШАЛ ОТ ДОСТОВЕРНЫХ ЛЮДЕЙ И САМ СВОИМИ ГЛАЗАМИ ВИДЕЛ, В СОКРАЩЕННОМ ВИДЕ ПО ВОЗМОЖНОСТИ НАШЕЙ СКОЛЬКО МОГ ПРИЛЕЖНО НАПИСАЛ ПО ПРОСЬБАМ МНОГИХ)

Князь Андрей Михайлович Курбский

ГЛАВА IX. О ПРЕПОДОБНОМ ФЕОДОРИТЕ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКЕ

Житие преподобного архимандрита Феодорита. Благочестивые его странствия. Знакомство с Порфирием. Подвижническая жизнь Порфирия и его страдания. Знакомство Феодорита с Артемием и Иоасафом Белобаевым. Возвращение к старцу Зосиме на Соловецкий остров. Просвещение лопарей. Основание монастыря. Изгнание Феодорита из монастыря. Странствия. Клевета. Суд над Артемием. Осуждение Артемия и Феодорита. Страдания. Ходатайство за Феодорита и его освобождение. Путешествие в Царьград. Милость Иоанна. Двукратное посещение дикой Лопи. Добродетельные дела Феодорита. Смерть. Разноречивые известия о ней. Причины краткости повествования о Феодорите

В те же годы погубил царь славного преподобного святого и премудрого архимандрита по имени Феодорит, о нем и о его священном жительстве достойно вкратце вспомнить. Был этот муж родом из Ростова славного, откуда произошел и святой Сергей, и ушел тот Феодорит в тринадцатилетнем возрасте из дома своих родителей, и пошел аж на Соловецкий остров в монастырь, что лежит на Ледовом озере, и пробыл здесь один год, в четырнадцать лет принял монашество и обязался святым послушанием, как по обычаям подобает молодым монахам, одному пресвитеру, священнику святому и премудрому старцу Зосиме, тезоименитому ученику самого святого Зосимы Соловецкого. И послужив ему в духовном послушании неотступно пятнадцать лет и обучившись всякой духовной премудрости, взшел к преподобию по степеням добродетелей; потом был хиротонисан архиепископом Новгородским в дьяконы и затем, пробыв еще год у своего старца, ушел из того монастыря с его благословением на созерцательную жизнь к славному и великому мужу, истинному чудотворцу, отцу Александру Свирскому, пробыв у него как чистый у чистого, а непорочный у непорочного. Александр узнал о его приближении провиденциально, выйдя навстречу Феодориту из монастыря, хотя никогда его не видел и ничего о нем не слышал, и сказал ему: “Сын Авраамов, приди к нам, Феодорит дьякон”. И очень любил его, пока тот проживал в этом монастыре. Потом от Александра пошел он за Волгу-реку, поскольку тамошние монастыри искали тогда храбрых воинов Христовых, которые воюют против темных властей, миродержцев века сего. Обходит Феодорит все те обители, и поселяется в великом Кирилловой монастыре, и находит там духовных монахов, Сергия, называемого Климиным, и других святых мужей, и пребывает там два года, следуя их жесткому и святому жительству, покаяя плоть свою и подчиняя ее духу. Оттуда ушел в тамошние пустыни и нашел здесь блаженного Порфирия, исповедника и первомученика, бывшего ранее игуменом Сергиевой обители и много страдавшего мученьями и тяжкими оковами от великого князя, отца нашего царя. А за что пострадал Порфирий, необходимо вкратце вспомнить. Был тот Порфирий извлечен из пустыни насильно по повелению великого князя Московского Василия и поставлен на игуменство в Сергиев монастырь, и случилось в то время такое событие: у московских князей издавна такой обычай был - желать крови своих братьев и губить их ради завладения их отчинами, - так и лютой князь Василий поймал своего близкого родственника, брата своего, князя Верейского, Василия нареченного Шемятича, мужа славного, храброго, опытного в богатырских делах, который неоднократно побеждал басурман, не только защищая свои северские

земли от частых набегов безбожных измаильтян, но и выходя в дикое поле, и даже неоднократно доходил до самой Орды Перекопской и многократно побеждал ее. И столь прославленного мужа и победоносца князь Василий, рожденный от чародеицы гречанки, заточил в темницу и тяжкими оковами приказал уморить. В то время случилось ему приехать в Сергиев монастырь на пятидесятницу, поскольку был такой обычай у московских князей - каждый год праздник праздновать в том монастыре как бы духовно. Святой игумен Порфирий, как человек простых обычаев и воспитанный в пустыни, начал молить и просить его о том Шемятиче, чтобы выпустил он брата своего из темницы и освободил от тяжких оков. Мучитель же начал гневно возражать ему, а старец тихо и умоляюще отвечал: “Если уж приехал к храму Безначальной Троицы от трисиянного Божества просить милости грехам своим, сам будь милосердным над гонимыми от тебя без правды, а если, как говоришь, ругая нас, повинны они были и согрешили перед тобой, оставь им долг в малых динариях по Христову слову, поскольку и сам желаешь прощения многих твоих талантов” .

Мучитель же приказал изгнать старца, который о нем же печаловался, из монастыря, а затем и удавить. Старец с радостью совлек с себя игуменские одежды и, отряхнувши прах со своих ног, во свидетельство Божие, взял свои разодранные и худые пустыньские одежды, пешком отправился в свою пустынь, с младых лет для него желанную.

Мучитель же и потом не переставал гневом распалиться на этого святого, оклеветанного некоторыми любостыжательными и лукавыми монахами, скверными чревоугодниками, и он из той далекой пустыни повелел привезти его в Москву и приказал палачам различными муками мучить.

Прерву здесь описание мучений его и вкратце расскажу одну историю о дивном, незлобивом равноапостольном муже, которая на память мне приходит.

Когда один святой был сильно замучен муками и едва жив, тогда отдали его под стражу некоему Пашке, то ли истопнику, то ли придвернику, который тому мучителю был придворным палачом и начальником над его палачами; тот оковал его веригами тяжкими, к тому же, угождая мучителю, морил его голодом, желая его скорой смерти. Христос же, Царь наш премилосердный, не оставил раба своего в бедах и внушил жене этого начальника человеколюбие и жалость к узнику. Она тайно раны его омывала и через несколько дней спрятала в одном месте, желая освободить его от уз, чтобы избежал мучительских рук этот родственник Христов. И пришел муж и спросил жену про узника, которого он должен был держать под стражей; она отвечала: “Сбежал еще вчера и не знаю о нем ничего”. Муж ее, убоявшись князя прелютого, который поручил ему держать старца под стражей, сам себя решил заколоть, а святой из потаенного места, как апостол Павел, древнему стражу темничному громко закричал: “Не убивай себя, о господин Павел. Здесь я цел и твори со мною все, что хочешь!”

Когда же услышал обо всем этом мучитель, то устыщился преподобномученика и повелел освободить его от уз и отпустить.

Святой же с радостью, как Христов победоносец, нося на себе мученические язвы, как прекрасные цветы, отошел в свою пустынь и там водворился, согласно речению Давида: “Удаляясь от мирских мятежей, ждите Бога спасающего”. Так сказал, оставив другие страдания в мире живущим людям, которые написали о его житии и преставлении, а мы, здешние странники и пришельцы, к вышеуказанной краткой повести о преподобном Феодорите возвратимся.

В пустыни у Порфирия он встретил Артемия, и премудрого Иоасафа, по прозванию Белобаева, и немало других пустынников, мужей святых, некоторые из них были уже в престарелых годах, и там вместе с ними в трудах духовных подвизался, проживя четыре года.

Когда же старец его, предвидя свою скорую смерть, шлет ему послание с просьбой возвратиться к нему, то он с радостью, как олень быстро, отправился к нему пешком, шествуя долгим путем, около трехсот миль по великим и непроходимым пустыням. И пришел с большими ногами, но с желанием и охотой, ни во что не ставя многих трудов и жестокого пути, так как имел сильное желание возвратиться, творя послушание, как Тимофей к Павлу, и обнял многолетнего святого старца, целуя его пречистые священнические седины и пробыв при нем, служа ему в немощах его до самой смерти старца, год один или менее того. По разлучении души святого с телом он совершил погребение его.

И вкусил и напился сладости пустынной жизни, как говорит премудрый Метафраст, описывая житие святого Николая. Поскольку пустынь покоя и ума наилучшая опочивальня, и родительница, и воспитательница, помощник тишины и мысли, и Божественного зренья плодovitый корень, истинная содружница Богу в духовном мире, и ради этого всего разжегся он желанием пустынного безмолвного жительствова и отошел в далекую пустынь, в страну глубоких варваров, лопарей диких, плывя великой рекой Колою, которая впадает своим устьем в Ледовитое море, и там сходит он с кораблеца и восходит на горы высокие, которые Святое Писание называет ребра северовы, и поселяется в тех пустынных и непроходимых лесах. Через несколько месяцев находит там одного старца-пустынника, по имени Митрофан, пришедшего в эту пустынь за два года до него, и живут они вдвоем в этой прегорчайшей пустыни, Богом хранимы, питаюсь жестокими зельями и кореньями, которые произрастают в той пустыни. И пробыл он в пустыни вместе с тем старцем двадцать лет в святом и непорочном жительствова, потом оба возвращаются в мир и приходят в Великий Новгород, где Феодорит поставляется архиепископом Макарием в пресвитеры, затем становится духовником самого архиепископа, а многих светлых и богатых горожан к спасительному пути наставляет и, не бывши епископом, светлые епископские дела совершает, короче говоря: лечит недужных, очищает прокаженных, не телом, а душой, возвращает заблудших на путь истинный, поднимает на высоту и приводит их ко Христу, первому пастырю, уловив от сетей дьявольских и очистив их покаянием, обращает их, чистых, к церкви Бога Живого.

Потом, года через два, принимает он от некоторых богатых немало серебра в возложение Господне и возвращается в пустынь, уже с некоторыми другими, и там, в устье вышеупомянутой реки Колы, создает монастырь и в нем ставит церковь во имя Безначальной Троицы. Собирает там среду монашествующих и устанавливает им священные правила, заповедующие нестяжательную жизнь в общежительном монастыре; то есть монахи должны своими руками добывать себе пищу, как указывал великий Апостол: “Аще кто не делает, да не ест и далее: “руки мои послужат мне и тем, кто со мною”. Потом он мало-помалу наставляет приходящих к нему и обращает их в веру Христову, так как он уже знал их язык; тех, кто соглашается принять крещение, он оглашает к пути спасения, а потом и просвещает Святым Крещением, как сам он рассказывал мне, ибо люди те - лопари, которые получают Святое Крещение, простые и кроткие, и лишены всякого лукавства, и по пути спасения идут со тщанием и охотой, а впоследствии многие из них возлюбили монашеские житие по Благодати Христа нашего, приняли учение Его, а Феодорит научил их письму и молитвам, которые перевел им со славянского на их язык.

Потом уже по прошествии немалых лет, когда распространилась в том народе евангельская проповедь, были явлены некоторые чудеса и знамения, как говорит божественный Павел: знамения - не для верующих, но для неверующих. Тогда обученные им и оглашенные лопари одним днем крестились сразу две тысячи с женами и детьми. Так он, блаженный муж, подобно апостолам направил варваров по верному пути спасения Благодатью Христовой и трудами своими.

И что же после этого начинается? Не терпит древний супостат человеческого рода, видя очами завистливыми, как возрастает и распространяется благочестие. И что же творит? Подучает против него новообращенных монахов, шепча им невидимо в уши и говоря в сердце: “Тяжек вам и

нестерпим устав его, и никто не может такое вытерпеть: как можете без имений жить, своими руками добывая хлеб?” Кроме этого, еще и другую заповедь отец Феодорит передал им из устава Соловецкого монастыря от Зосимы и Савватия: “Не только жен, а и скота ни единого не иметь женского рода”. Из-за этого некоторые монахи, соединившись с дьяволом, вознегодовали: схватили святого старца, и избili его нещадно, и не только из монастыря, но и из страны той изгнали как какого-то врага. Он же поневоле пошел от тех пустынь в мир, и стал игуменом в одном небольшом монастыре в Новгородской земле, и там два года пребывал. Потом рассказал о нем мудрый Артемий царю, ибо тогда он был игуменом великим Сергеева монастыря. Царь же призывает его к себе, и поставляется он от архиепископа архимандритом Евфимьева монастыря, вблизи великого Суздаля. Тем великим монастырем он управляет четыре или пять лет. Поскольку он обнаружил в нем весьма необузданных монахов, живших своевольно, а не по Уставу монастырскому и Святым Правилам, он их обуздывает и угрожает страхом Божиим, наставляет их жить по Уставу Василия Великого.

Но не только монахов, но и самого епископа Суздальского обличает за сребролюбие и пьянство, поскольку сам он был муж не только многого разума и премудрости, но и от рождения чист и непорочен и во все дни жизни своей сохранял трезвость. И именно о таких говорит Златоуст: простится правда неправде, милосердие - лютости, воздержание - невоздержанности, трезвость - пьянству и прочее, и из-за этого возненавидели его как монахи, так и епископ Суздальский. В те же годы появились плевелы среди чистой пшеницы из-за лени и пьянства многих пастырей наших, короче говоря - ересь лютерская - хула на церковные догматы. Митрополит Российский по царскому приказу повелел этих ругателей везде повить, желая допрашивать их о расколе, и поскольку они церковь возмущали, где только они обнаруживались, тут их хватили и отправляли в Москву. Особенно много из заволжских пустынь, ибо там особенно процветала эта ересь. Вначале это дело делалось добром, но под конец объявилось зло, благодаря которому вместе с плевелами выдергивали и чистую пшеницу. К тому же над теми раскольниками, которые готовы были исправиться по слову пастырскому, сотворили немилосердие и прелютые мучения, как я далее расскажу.

Когда любостыжательные и лукавые монахи увидели раскольников из заволжских пустынь и из других мест, тогда они оклеветали преподобного и премудрого Артемия, игумена Сергиева монастыря, не послушав даже царя, из-за мятежа любостыжательных и издавна законопреступных монахов. Они говорили, что якобы он был причастен к некоторым лютеровым расколам. Также были оклеветаны и другие монахи, которые жили нестяжательно по Уставу Василия Великого. Тогда наш царь поверил преглупым и необразованным епископам и собрал соборище, отовсюду пригласив духовных чинов, и приказал привезти из пустыни закованным преподобного Артемия, честного и мудрости исполненного, а с ним и другого старца, знающего Писание, известного нестяжательным жителем, по имени Савва, по прозванию Шах.

Когда же соборище собралось и на нем были поставлены и вопрошаемы раскольники по вопросу об оскорблениях церковных догматов, тогда с ними был допрошен и Артемий, и он, неповинный, кратко отвечал о своем правоверии. Лжеклеветников, а точнее доносчиков, спросили о доводах их, они же указали свидетелей, людей скверных и злых. Старец Артемий отвечал, что такие люди не достойны свидетельствовать, тогда они указали на Феодорита Соловецкого, архимандрита Суздальского и другого преподобного старца Иоасафа Белобаева, якобы те слышали от Артемия хульные речи. Когда же эти известные мужи были поставлены перед Собором, чтобы свидетельствовать, то они обличили главного клеветника, монаха Нектария; Артемия же оправдали как совершенно невинного и в преподобии сиявшего. Тогда епископ Суздальский, пьяный и сребролюбивый, первый ненавистник, сказал: “Феодорит, давний согласник и товарищ Артемия, и сам он еретик, поскольку в одной пустыни немало лет с ним пребывал”. Царь же наш, вспомнив, как Артемий хвалил ему Феодорита, поверил, как пьяный пьяному и вредоумный вредоумному, к тому

же он ненавидел Артемия за то, что тот не послушал его и не захотел больше быть на игуменстве в Сергиеве монастыре.

Некоторые епископы оправдывали его, так как знали его как мужа знаменитого, тогда “царь с митрополитом своим, во всем ему угождающим, и со многими, как я уже говорил, необразованными и пьяными епископами не проявили кротости духа для исправления раскольников и любезно их не наставляли, а со всякой яростью и лютостью зверской в заключение в дальние грады, в узкие темницы отсылали, закованных. Также и преподобного, оковав веригами железными, избili святого и неповинного мужа и отослали аж на Соловецкий остров на вечное заточение, до смерти, и того вышеназванного монаха Савву также в заточение на смерть отослали к ростовскому владыке Никандру, погруженному в пьянство. И Артемия отправили на Соловки, где поместили в очень узкую келью, не разрешая ему ни малейшего облегчения, ибо преследовали его не только епископы богатые миролюбивые, но и лукавые и любостыжательные монахи и хотели они, чтобы не только забыли его в Русской земле, но и имени его никогда не поминали. Монахи опасались, как бы царь, который прежде любил Артемия и неоднократно с ним беседовал, поучаясь от него, вновь бы не возлюбил его и не указал бы епископам и монахам с их начальниками, что они живут законопреступно и любостыжательно, не по Правилам Святых отцов. Ради этого они творят всякие беззакония и исполняют всякие презлые дела в отношении святых, чтобы скрыть за своей злобой законопреступления. Тогда они и других мужей неповинных мучили разными муками, научая их клеветать на Артемия, так как добровольно те делать этого не хотели, они надеялись, что, не выдержав мук, что-нибудь да скажут. Таков в нынешнем веке, особенно в той земле презлой и лукавства исполненной, монашеский род! Воистину горше всяких палачей тот, кто в лютоости очень коварен. Но к вышеуказанной повести о Феодорите возвратимся. Тогда же он, блаженный муж, пострадал от ложных свидетелей, особенно же от того епископа Суздальского, пьяницы и сребролюбца, который вместе с монахами Евфимьева монастыря клеветал на него, так как они ненавидели его безо всякой с его стороны вины. Но и многие другие доносчики замыслили на него, но не могли ни к чему придаться. Но лукавые монахи эти все-таки сумели отослать его неволею в Кириллов монастырь, где тот же епископ Суздальский прежде игуменом был, и думал он, что ученики его отомстят за него. Когда же Феодорит был туда привезен, то известные доброжелательством монахи, не наслышан-ные о том коварном совете и злом- деле, душевно рады ему были, потому что знали о нем как о муже издавна преподобном и пребывавшем в святом жительстве. И об этом те коварные клеветники-монахи прослышав, завистью были разьедаемы, поскольку видели его в почитании, от наилучших и святых монахов, и еще более старались очернить и опозорить его. И пробыл святой у них полтора года, испытывая такое бедствие. Потом написал нам, сынам своим духовным, о своей нестерпимой скорби из-за тех монахов. Мы, нас несколько собралось, почтенных боярским чином, пошли к архиепископу Макарию и рассказали ему все по порядку. Он же, услышав все и уважая наш сан, да к тому же зная Феодорита как святого мужа, пишет быстро послания свои в тот монастырь и требует, чтобы того мужа отпустили и чтобы он жительствовавал свободно, где захочет. Феодорит же, уйдя из Кириллова, поселился в Ярославле в монастыре великом, где похоронен князь Федор Ростиславич Смоленский, и там прожил год или два.

И призывает его царь к себе как мужа образованного и мудрого, и посылает его послом к патриарху Константинопольскому, просить у него благословения на коронацию и на венчание, чтобы быть венчанным таким же чином, как римские христианские цесари были венчаны от папы или патриарха. Он, выслушав цареву повеление, хотя и был уже стар и немощен, с радостью согласился пойти в такое посольство. И ходил туда и обратно более года, испытав в пути беды и трудности, и в самом Константинополе огненным недугом недомога два месяца, но от всех этих напастей благодатью Божьей был избавлен и возвратился здоровым, принеся с благословением Соборное Послание от патриарха о возведении в царский сан великого князя, а вскоре патриарх прислал и книгу Царского величества к нему на Москву со своими послами, с одним митрополитом

и монахом-пресвитером, который ныне митрополит Адрианопольский. К тому же говорили, что святому мужу этому сам патриарх удивлялся, слушая его речи и премудрые беседы и узнав о его умиленном и священнолепном жительстве.

Князь же великий, обрадовавшись патриаршему посланию, с благословением одарил Феодорита тремястами сребрениками великими и кожухом из дорогих соболей под аксамитом и предлагал ему такую власть духовную, какую он только захочет. Феодорит, немного усмехнувшись, сказал: “Я, царь, повеление твое выслушал и исполнил, о чем просил ты меня, нисколько не беспокоясь о трудах таких для моего возраста. И мне наградой было апостольского наместника, а именно патриарха вселенского принять благословение. А иных даров и власти не потребую у твоего величества, даруй их тем, кто просит и требует от тебя этого. Я к серебру и драгоценным одеждам не привык, не умею ни наслаждаться ими, ни украшаться, поскольку отрекся от всего этого в начале пострижения волос моих, только добротой душевною и благодатью духа украшаться стараюсь. Но только об одном прошу, разреши мне с покоем и безмолвием в келье до смерти моей пребывать”. Царь же начал умолять его, чтобы он не обесчестил царский сан и принял подарки, он же повиновался в немногом - взял от трехсот сребреников двадцать пять и, поклонившись по обычаю, ушел от лица царя. Царь же повелел и кожух за ним послать и положить в храмине, где он жил тогда. Феодорит же кожух тот продал и деньги нищим раздал; потом он полюбил жить в монастыре, близ великого града Вологды, который создал святой Дмитрий Прилуцкий. А тот город Вологда от Москвы находится за сто миль по пути к порту на Ледовом море. И, забыв ненависть тех нечеловеколюбивых монахов, не ленился из Вологды посещать тот монастырь, который он сам поставил и в дикий край Лопи двукратно ездил при мне. Из Вологды до Холмогор реками плыл двести миль, а от Холмо-гор великой рекой Двиной до моря, а морем - до Печенги другие двести миль, туда, в землю, которая называется Мурманской, где живет лопский народ, там же и Кола, река великая, в море впадает и в устье ее тот монастырь находится, который он поставил. Воистину это удивления достойно: в такой старости и такой неудобный и жестокий путь претерпевал, летом плавая по морю, а зимою на быстроходных оленях ездил по непроходимым пустыням, посещая духовных детей своих - как монахов, так и лопарей, обученных и крещенных им, заботясь о спасении их душ, неверным проповедовал Слово Евангельское, умножая благочестие врученным ему от Бога талантом в народе грубом и глубоко варварском, не щадя ни старости, ни немощного тела, сокрушенного многими годами и великими трудами. Смотрите, христиане, лицемерные и полуверные, разъеденные наслаждениями, какие храбрые старцы, в правоверных догматах воспитанные, еще обретаются в православной христианской земле; чем старше и слабее телом, тем с большей ревностью и храбростью стараются о благочестии, и это приятно для Бога бывает.

А каково бы было удивление, если бы я по порядку описал все добродетельные и дивные дела Феодорита, которые только я один и могу вспомнить. Что же скажу о том, какие он имел дарования от Бога, а именно дары духа: сила исцеления, дар пророчества, дар мудрости, знал, как отвратить грешников от злых, дьявольских дел и направить их на путь покаяния и как приводить от нечестия и от многолетнего древнего неверия в веру Христову языческие народы. А что бы рассказал, если бы смог, о вхождении его в самую обитель небесную и о видениях невысказанных, которыми Бог посетил его? Поскольку еще в тленном теле, по существу своему бестелесном и невещественном, почтен достоинствами и воздухоплавательным хождением. А какую тот муж имея хитрость и многую кротость, а какие дарил нам наставления, полезные и премудрые в гостеваний, предивные и наисладчайшие беседы и апостолоподобные вещания, когда ему случилось беседовать с сынами духовными, и даже некогда и я, недостойный, неоднократно причастен был к тем священным его поучениям! Еще к тому же немало удивительно: как умел он и как был опытен в искусстве исцеления загнивших старых неизлечимых ран, а именно презлых дел в людях, укоренившихся во многие годы! Как все мудрые говорят, что многолетние обычаи, с молодости утвердившиеся в человеческих душах, в естество обращаются и очень плохо изживаются, но он умел старые гнусности и нечистоты злобы разрушать и искоренять их из душ человеческих, и нечистых и

скверных очищать и просвещать и к Господу обращать, многим покаянием и слезами, и самому дьяволу запрещать силой святого Духа, по данной ему от Бога власти священнической, что не дерзнет дьявол и не посмеет осквернить покаившиеся души человеческие. Это я, воистину, не только от достоверных людей слышал, но и своими очами видел над самим собой, испытал благодеяние от его святости, поскольку он был моим исповедником и любил меня, также и я, многогрешный, по силе моей любовью и службой для него старался. О, муж прекраснейший и крепчайший, мною возлюбленный и наисладчайший, отец мой и родитель духовный! Как горько мне быть разлученным с тобой и не видеть честнейших седин твоих!

Что же такой превосходный муж получил в отечестве своем неблагодарном от того лютого и бесчеловечного царя? Некоторые рассказывают, что старец чем-то напомнил ему обо мне, он же восклохтал, как дикий вепрь, заскрежетал зубами и повелел этого святого мужа в реке утопить. И так принял он мученичества венец и получил второе крещение, коим и Господь наш Иисус Христос после крещения Иоаннова возжелал сам креститься и сказал: “Желаю чашу сию испить и крещением этим креститься!” А некоторые говорят, что, придя из иных земель, он умер тихой и спокойной смертью. А точно не мог я дознаться о его кончине, хотя и старался об этом выведать, но как слышал, так и написал, будучи в чужой стране, в долгой разлуке, изгнанный из любимой земли моего отечества.

И если я не изложил по порядку все о нем, как выше обещал, то только ради краткости истории, написанной для живущих здесь людей грубых, душевно неопытных, да к тому же еще и маловерных, но если Бог поможет, что отыщем здесь некоторых духовных мужей, желающих знать о нем, тогда вспомним немного о предивных видениях его и о пророчествах и чудесах, которые духовные люди поведают на пользу духовным. Телесные же, как говорил апостол, не воспринимают пищу духовную, поскольку не вмещают ее затворенные волей утробы их и только глупость видится им, если о духовном с ними говорить, лишь с материальными вещами они имеют дело, а о духовных и знать не хотят.

А. М. Курбский “История о великом князе Московском”. УРАО, 2001